

Я цитирую слова одного из самых крупных композиторов современности Родиона Щедрина. Мое поколение постигало его творчество по репертуару Большого театра: «Кармен-сюита», «Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой» – как яркие кометы на полусонном балетном небосклоне. Со временем возшла и оперная звезда – «Мертвые души». Теперь премьеры его опер – «Лолиты», «Очарованного странника» – и сочинений других жанров чаще проходят за пределами России. Но Москве все-таки повезло: стартовал фестиваль к 75-летию композитора, мы услышим целые пласты хоровой, фортепианной, симфонической музыки Щедрина (в том числе и премьеры) в исполнении лучших музыкантов. Фестиваль открылся «Очарованным странником», на премьеру которого прибыл сам композитор.

– Родион Константинович, пожалуйста, расскажите о своих корнях...

– Я по рождению москвич. Хотя истоки мои – из маленького городка Алексина, что в двухстах километрах от столицы. Этот город вошел в историю жестокой битвой с татарами. Русские стояли на высоком берегу Оки, татары в низине. И те русские воины, которым удавалось достичь своего берега, приговаривали: «Рад будешь». Отсюда, по утверждению старожилов, исстари пошло название Радушской улицы. Дом моей бабушки и моего отца стоял как раз на ней. И каждое лето меня вывозили туда, на Оку. Красивейшие это были места: сосновые боры, песчаные пляжи, заливные луга... Не зря облюбовали их артисты Малого театра. На отдыхе они разыгрывали шарады, ставили водевили, для которых им была необходима музыка. А, между прочим, Алексин славился не только плясками, рыбалкой и грибами, но и оркестром братьев Щедриных. Это были мои дядя. Один отцовский брат играл на кларнете, другой – на контрабасе, третий – на виолончели. Сам отец, хоть и владел любуым инструментом, чаще брал в руки скрипку. У отца было семеро братьев. Все они получили религиозное образование в Тульской духовной семинарии, и двое из них в период гонений на церковь плохо кончили...

– А как сложилась судьба вашего отца?

– У него от природы были прекрасные музыкальные способности, потрясающая память. Все, что он слышал, мог воспроизвести на любом инструменте. Самодельно, не учась! Великая русская актриса Вера Николаевна Пашенная, человек добрейшей души, привезла его в Москву и показала тогдашнему ректору Московской консерватории Михаилу Михайловичу Ипполитову-Иванову. Тот проверил его данные – фантастические! Кстати, широко известные легенды – про Моцарта, который записал по памяти однажды услышанную мессу; про Рахманинова или Глазунова, который «Князя Игоря» восстановил по памяти – вовсе не преувеличения, а чистая правда. Вот такая память была и у моего отца. Уж на что у меня память вроде бы неплохая, я учил – все удивлялись скорости, но рядом с отцом я – ноль. Ипполитов-Иванов взял отца на подготовительный курс консерватории, и Вера Николаевна два года содержала его на свои деньги. Вот какие были люди! Потом он такую написал задачу на экзамене, что Ипполитов-Иванов перевел его на теоретико-композиторский факультет, и он окончил вуз как свободный художник. Вот только год оказался неподходящий для творчества – 1917-й. И отец уехал обратно в Алексин, организовал там первую музыкальную школу, которая сейчас носит его имя.

– Вы учились в этой музыкальной школе?

– Нет, у меня детство военное. В 1941-м мне еще не исполнилось и девяти. Попал в эвакуацию. Отца контузило на фронте, и он приехал к нам в Куйбышев. К тому времени Дмитрий Дмитриевич Шостакович основал там Союз композиторов и попросил отца быть ответственным секретарем союза, по существу – его секретарем. Отец помогал ему и в быту, и в творчестве. Например, следил за распиской оркестрового материала. Вместе с Левом Тавосовичем Атовмяном готовил весь материал Седьмой симфонии и даже взял меня на генеральную репетицию в Куйбышевский оперный театр.

– Значит, вы общались с великим Шостаковичем с девятилетнего возраста?

– Дмитрий Дмитриевич для меня был Бог – и как музыкант, и как человек. Он был бесконечно добр, выручал не только моих близких и дальних родственников, но и многих других людей из всевозможных бед. Он столько спас, столько помог в тяжелые моменты жизни! У него на всех хватало времени... Я счастлив, что мог общаться с

Родион ЩЕДРИН:

ЧТОБЫ ПОНЯТЬ РОССИЮ, НАДО ЧИТАТЬ ЛЕСКОВА

Он был окружен музыкой с самого детства и отдан в элитную Центральную музыкальную школу при Московской консерватории, а оказался под немецкими бомбами. Он слушал знаменитую Седьмую симфонию на генеральной репетиции в Куйбышеве, а когда вернулся в Москву, совершил два дерзких побега на фронт. Его чуть не определили в Нахимовское морское училище... С музыкой его воссоединило только что открывшееся тогда Московское хоровое училище мальчиков. «Пение в хоре захватило меня, затронуло какие-то глубинные внутренние струны... И первые мои композиторские опыты (как и опыты моих товарищей) были связаны с хором».

ФОТО ИТАР-ТАСС

этим величайшим музыкантом, пораженным человеком и даже провести с ним вместе одно лето в Дилижане, в Армении.

– А было ли в вашей жизни то, что принято называть счастливым случаем?

– Как любят в кинофильмах показывать: играет музыкант в оркестре, заболевает дирижер – и музыканту предлагают встать за пульс? Кстати, так случилось с Артуро Тосканини. Он был виолончелистом. Заболел дирижер, и оказалось, некому вести спектакль. Попросили виолончелиста...

У меня тоже был случай, и не один. На третьем курсе консерватории я написал свой первый фортепианный концерт. Восприняли его неоднозначно: часть комиссии была настроена против, другая – за. Она-то и победила, и мне предложили самому со студенческим оркестром исполнить этот концерт. Дирижировал тоже студент – Геннадий Рождественский. Концерт получил теплую оценку публики и части музыкантов. И мне, студенту, предложили сыграть этот концерт на проходившем тогда пленуме Союза композиторов, посвященном как раз молодежи. Это был Большой зал консерватории, Рождественский дирижировал уже филармоническим оркестром. Словом, концерт прошел еще лучше. И я по почте получаю письмо: секретариат Союза композиторов СССР постановил принять в члены Союза композиторов СССР Щедрина Родиона Константиновича. Будучи студентом четвертого курса, без личного заявления, быть принятым в Союз композиторов – это огромная удача и абсолютный консенсус! На моей памяти ничего подобного раньше не случалось.

– На этом, я полагаю, счастливые случаи не закончились?

– В это же время Большой театр искал композитора, который бы к давно идущему балету «Конек-Горбунку» написал новую музыку. Старая являла «сборную солянку» – набор музыкальных фрагментов примерно 20 композиторов. К тому же русская сказка Ершова происходила... в ханском дворце, потому что царей до революции на сцену выводить было нельзя. И меня по рекомендации Дмитрия Борисовича Кабалева пригласили к этой работе. Началась она со встречи с балетмей-

стером Василием Ивановичем Вайноне-ном, автором знаменитого балета «Пламя Парижа», «Щелкунчика» – словом, классик абсолютный. Чувствовалось, что он уже не с первым композитором общается, и это ему порядком надоело. «Напишите за неделю первую картину – тогда поговорим», – и надиктовал мне, как Петипа Чайковского: «Здесь восемь тактов – выход персонажа. Здесь приход другого, уход – занавес...» А я ему накатал целый акт за этот же срок и сыграл на его разбитом пианино. Василий Иванович от удивления рот открыл. Он в меня поверил, и я быстро написал этот балет. Но в Большом всегда происходят интриги – Вайнонема, к сожалению, изгнали из театра, и мой первый балет поставил другой балетмейстер, Александр Иванович Радунский.

– На этой постановке вы и познакомились со своей будущей женой, Майей Михайловной Плисецкой?

– Радунский решил просветить меня в области балета (хотя некоторый опыт у меня уже был: я писал балетные номера для Алексея Николаевича Ермолаева, знаменитого танцора и постановщика) и привел в балетный класс. И тут вижу: стоит рыжеволосая молодая женщина в обтягивающем купальнике... А я с ней был знаком уже, у Лили Брик познакомился. Она там произвела на меня хорошее впечатление, но здесь, в купальнике эффектно, – лучше. Таких еще никто не носил. Потом она танцевала Царь-девицу, и уже «Конек-Горбунку» был ей посвящен. А дальше пошло, пошло, пошло – не останешься...

– Было и второе пришествие «Конька-Горбунка» в Большой театр...

– К сожалению, неудачное. Замечательные декорации сделал Борис Мессерер. Лучшие всех была Волочкова, танцевавшая Царь-девицу. Это была ее коронная партия. Она эту партию продолжает с успехом исполнять и в жизни... Но судьба у балета не сложилась.

– Не рано ли делать такой вывод? Ведь кроме Большого есть и другие театры...

– Да, недавно Валерий Гергиев сказал мне, что в следующем сезоне собирается поставить «Конька-Горбунку» в Мариинском театре. И поинтересовался, кто бы

мог быть балетмейстером. Дело в том, что он дирижировал «Коньком-Горбунком» раньше, когда этот балет шел в Мариинском театре. Кстати, прекрасно дирижировал. Теперь он хочет записать его на пластинку в своем новом концертном зале. Если он инициирует новую постановку этого балета, да еще сам его продирижирует, это будет бо-оль-шой для меня подарок! Я буду счастлив.

– Двадцать лет возглавляли вы Союз композиторов России. Помню тот композиторский съезд, на котором вы передавали бразды правления Владиславу Казенину, и вашу радость – человека, как будто сбросившего с плеч тяжелую ношу...

– Во-первых, долгие годы я оставался почетным председателем правления союза. Во-вторых, этот Союз композиторов основал Шостакович. Он по сей день находится в том же подъезде, где жил Дмитрий Дмитриевич, только пятью этажами ниже. Нам предлагали в перестроечные времена переехать в особнячок, но мы отказались. Хотели сохранить офис Шостаковича таким, каким он был. А он, знаете ли, не походил на приемную ада. Что делал этот Союз композиторов? Старался помочь людям и в творческих, и в бытовых делах. Продвинул сочинение; записать, исполнить и издать; достать путевку, и устроить жену в больницу – все делал Союз композиторов. Я состою членом нескольких академий, в том числе и Баварской, с 1976 года. Находясь в Мюнхене, хожу на их заседания и вижу там то же самое плюс каждый своего ученика хочет продвинуть, заказ ему дать. Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь в том, что такие цеховые организации абсолютно необходимы.

– А разве не прав был Арам Ильич Хачатурян, стоявший у истоков Союза советских композиторов, когда писал: «Оргкомитет СК СССР... – жена, с которой я прожил интересно, но мучительно. Я отдал работе в СК 11 лет. Это значит, что сейчас у меня минус 11 крупных сочинений?»

– Нет, я не могу так сказать, и Шостакович так не говорил. Его слова: «Все, что мне отпущено Господом Богом написать, я все написал». Могу то же самое сказать про себя. Советская власть Шос-

таковича не сломала, хотя ему досталось больше, чем кому бы то ни было из музыкантов. Даже оставляя за скобками различные статьи «Сумбур вместо музыки», «Балетная фальшь», даже оставляя за скобками тот факт, что у него родные сидели и были расстреляны. И родители жены были расстреляны, сестра сидела, муж ее был расстрелян, тетя была расстреляна. Он дружил с Тухачевским, который написал письмо Сталину в его защиту, – Тухачевский был расстрелян. Мейерхольд, у которого он останавливался, когда приезжал в Москву, был убит... Но Шостакович выстоял! А Хачатурян, мне кажется, все-таки в чем-то творчески сломался. Его сочинения до погромов – гораздо более яркие, свежие, интересные, самобытные. Все-таки его сбили с панталыку (когда он написал симфонию с 24 трубами, его начали осуждать за все эти новшества), а Шостаковича – нет. Он ведь единственный, по существу, человек, кто сумел поговорить со Сталиным и при встрече, и по телефону – Пастернак растерялся, Булгаков растерялся, когда Сталин ему вместо «Здрасьте» сказал: «Ну что, мы вам здорово надоели?» Он начал: «Да нет, не надоели...» А Шостакович его озадачил.

– А вы озадачили «Очарованным странником», премьера которого в Москве имела грандиозный успех. Почему такой жанр: опера для концертной сцены?

– Во-первых, это веление времени. Подошел момент, когда оперный жанр можно показывать в более компактных, концертных условиях. А во-вторых, сейчас не только у нас в стране – во всем мире сложная экономическая ситуация. И первое, на чем она отражается, – искусство. Закрываются многие театры, оркестры, сокращаются штаты. Два этих момента двигали моим желанием сделать оперу для концертной эстрады.

– Удивительно, что в написанном вами высокопрофессиональном либретто удалось сохранить особенности этой самобытной речи.

– Каждое слово Лескова для моего глаза и уха – это золото. Вы знаете, кто первым начал уводить его в тень? Владимир Ильич Ленин. Он занимался монументальной пропагандой, и когда ему представили список философов, писателей и других деятелей культуры, которых следовало увековечить, единственное имя, которое он вычеркнул, был Лесков. Со всеми остальными согласился.

Лесков очень русский писатель по всем компонентам – языку, сюжетам, характерам, безысходному драматизму и парадоксальности ситуации, трагическим развязкам своих историй. Чтобы понять Россию и особенности русской души, надо читать Лескова.

– В программе вашего юбилейного фестиваля значится необычное «мероприятие»: концерт-творческая встреча. Расшифруйте, что это?

– Это идея Алексея Алексеевича Шалашова, руководителя Московского филармонии, придумавшего весь фестиваль. Он предложил сделать камерный концерт в форме разговора, диалога. И спросил, с кем бы мне хотелось его вести. Я ответил, что с Сашей Чайковским, которого я очень люблю как музыканта и человека. Если бы он согласился, мы как собеседники могли бы спровоцировать друг друга и публику на откровенные вопросы и ответы и просто на разговор.

– Вы урожденный москвич, но здесь вы очень редко. Где ваш дом?

– Живу на три дома. В Москве, в Литве, где у нас с Майей Михайловной есть дом, в котором мы очень любим бывать. И еще снимаем квартиру в Мюнхене – это связано с моей профессиональной деятельностью, потому что там мой издатель «Шотт».

– В нынешний приезд вы провели в Москве несколько бурных дней. Каким вы увидели город и с какими чувствами и мыслями вы его покидаете?

– Таких бурных, что даже голос потерял. Хриплю... Москва абсолютно не похожа на ту, в которой я родился, бегал мальчишкой. Это совершенно другой город. Для молодых, которые в нем чувствуют себя привольно, он лучше, красивее. И слава богу, что город растет. Но он стал городом для богатых. Для людей преклонного возраста он очужден. И для меня он чужеватый. Не хочу это в минус ставить. Но проблема транспорта никак не решена. Мне звонят, зовут, я не еду, потому что не могу полтора часа тратить на дорогу туда, полтора – обратно: у меня их нет. В Лондоне уже можно проехать. Берлин и Мюнхен эту проблему тоже решили – там не бывает заторов. Я уезжаю, чтобы вернуться в декабре.

Беседу вела
Елена ЛИТОВЧЕНКО